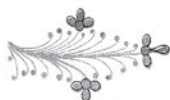

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
Кристофера БАКЛИ,

опубликованные
Издательской Группой «Азбука-Аттикус»

Здесь курят

•

Охотник за судьями

•

Собиратель реликвий

КРИСТОФЕР БАКЛИ

СОБИРАТЕЛЬ

РЕЛИКВИЙ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 19

Christopher Buckley
THE RELIC MASTER
Copyright © 2015 by Christopher Taylor Buckley
All rights reserved

Перевод с английского Вячеслава Шумова

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17997-4

© В. А. Шумов, перевод, примечания, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

Анне Спрингс Клоуз, с любовью

Даже зуб собаки излучает свет для тех, кто ему искренне поклоняется. Предмет поклонения наделен силой...

*Айрис Мердок. Море, море.
Перевод М. Лорие*

При нынешней испорченности нравов тот папа может считаться благонарным, который не превосходит своей порочностью других...

*Франческо Гвиччардини.
История Италии. Том 2.
Перевод М. Юсима*

РИМ, 2017 ГОД

В ПАПСКОЙ ГРОБНИЦЕ XVI ВЕКА
ОБНАРУЖЕН САВАН,
«ИДЕНТИЧНЫЙ» ТУРИНСКОЙ ПЛАЩАНИЦЕ

Ватикан, 28 августа

При реставрации гробницы папы Льва X в римской базилике Санта-Мария-сопра-Минерва найдено полотно, поразительно напоминающее Туринскую плащаницу, которую многие считают погребальным саваном Иисуса Христа.

Находка обнаружена две недели назад, однако до сих пор от Ватикана не поступило никаких заявлений или комментариев, благодаря чему множатся разнообразные домыслы. Слух о находке разнесся незамедлительно, и теперь толпы паломников и любопытствующих осаждают обычно тихую базилику.

Источник в Ватикане, пожелавший остаться неизвестным, сообщает, что находка представляет «существенную проблему». Он также добавил, что остается неясным, как обнаруженный холст, обладающий удивительным сходством с Туринской плащаницей, попал в гробницу Льва.

Папа Лев X, представитель династии Медичи, скончался в 1521 году. Этот понтифик периода протестантской Реформации, согласно характеристике, данной ему в XX веке одним из исследователей, был «вальяжен и ленив, как персидский кот». Из-за своей безудержной распушенности и порочности он не пользуется уважением представителей официальной церкви, а его ошибочная тактика в отношении протеста Мартина Лютера против продажи индульгенций послужила толчком движению Реформации, в результате которого Европа на полтора столетия погрузилась в пучину межконфессиональных конфликтов.

По сообщениям наших корреспондентов, папа Франциск выразил «крайнюю озабоченность» фактом обнаружения еще одной плащаницы в усыпальнице своего предшественника. Исторически позиция Католической церкви в отношении самой знаменитой христианской святыни всегда была двусмысленно-осторожной: подлинность плащаницы формально не признавали, но и не отрицали.

После того как в 1988 году результаты радиоуглеродного анализа подтвердили, что Туринская плащаница изготовлена примерно в 1260–1390 годах, Ватикан официально объявил полотно подделкой, однако вместе с тем заявил, что плащаница тем не менее достойна почитания на правах «символа», и официально утвердил несколько приписываемых ей чудесных исцелений.

Несмотря на это, многие христиане продолжают считать Туринскую плащаницу подлинной, а результаты радиоуглеродного анализа ошибочными, и появление еще одной плащаницы, практически идентичной Туринской, представляет для них не меньшую проблему, чем для официальной Церкви.

Ватиканская Конгрегация по канонизации святых — подразделение Папской курии, занимающееся верификацией и охранением священных реликвий, — объявила сегодня, что поручает монсеньору Сильвестру Прангу (О. И.) «доскональное и тщательное исследование» так называемой плащаницы Льва Х.

Член ордена иезуитов Сильвестр Пранг защитил докторскую диссертацию по клеточной и молекулярной физиологии в Йельском университете. По заявлению Ватикана, взять интервью у доктора Пранга можно будет после публикации отчета, ожидаемой в следующем году.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БАЗЕЛЬ, 1517 ГОД

Дисмас, может, и прикупил бы фалангу святого Фомы, однако справедливо усомнился в продавце.

Начать с того, что запрашиваемая цена была непомерно низкой. Фаланга пальца, вложенного в рану свежеевскресшего Христа, запросто ушла бы за сорок, а то и за пятьдесят гульденов. Продавец же просил всего пятнадцать. Подозрения Дисмаса усилились, когда, обнюхав кость, он не учуял благоуханного аромата. Настоящие мощи непременно ласкают обоняние. И наконец, вопросы вызывал предлагаемый ассортимент: язык (цельный) Антония Падуанского, мирница с молоком Богородицы, камень из *scala santa* — лестницы Пилатова дворца, пучки соломы из *sacra incunabulum* — святых яслей в Вифлееме, а вдобавок — стружка с вериг святого Петра. Подозрительно широкий выбор.

Исходя из опыта, Дисмас был склонен больше доверять поставщикам, специализирующимся в определенной сфере. Например, на реликвиях времен Великого гонения. Или на *brandea* — предметах, находившихся в непосредственном контакте с членами Святого семейства. Реликвии, имевшие отношение к святой Анне — матери Непорочной Девы, нынче были особенно в ходу.

Самым же красноречивым свидетельством стало то, что, когда Дисмас, поблагодарив продавца, собрался уходить, тот немедленно сбросил цену до пяти гульденов. С каждым годом на Базельской ярмарке святых подобное бесстыдство встречалось все чаще и чаще.

На Рыночной площади, у подножия новой Ратуши с ее прекрасными разноцветными аркадами, Дисмас огляделся. Вокруг бурлила торговля. Палаток и навесов тут было, наверное, триста с лишком.

Два соседствующих ларька рекламировали шипы Тернового венца. Дисмас улыбнулся про себя: не самое удачное расположение. В последние годы экспонентов значительно прибавилось, и торговцы размещались как могли. Предзакатный ветерок трепал флажки и зазывные холстины. На одной предлагался Спас Нерукотворный, на другой — убрус, еще на одной — стопа Магдалины (цельная). Цельные конечности всегда продавали с особой наценкой.

На северной стороне площади, у рыбных рядов, очень удачно расположилась жемчужина сезона — рыбацкая шаланда, принадлежавшая, как уверяли, святому Петру в его доапостольские, галилейские рыболовные дни.

Положение Дисмаса в сообществе перекупщиков реликвий обеспечило ему доступ на закрытый показ. Начальная цена в три тысячи гульденов была экстравагантной, даже если бы артефакт был аутентичным, в чем Дисмас сильно сомневался. С лупой в руках он, к ужасу продавца, полез под днище, где и обнаружил поражения, типичные для личинок солоноводного древоточца. Отряхиваясь, он с укором посмотрел на продавца:

— Странно, не правда ли? Следы заражения морским древоточцем на пресноводном рыболовном судне.

Маклер прокашлялся и отвечал, что, видите ли, лодка немного постояла в Средиземном море, в Иоппии, перед тем как... эмм... быть погруженной на корабль до Марселя.

— Хм. Ну что ж, спасибо, что позволили взглянуть.

Досадно, думал Дисмас, лодка могла бы украсить двор Замковой церкви Виттенберга. Или клуатр Майнцкого собора. Покупатель-то для нее найдется. Какой-нибудь новоиспеченный богемский дворянин богато раскрасит ее и запустит в ров. Со временем она ему надоест, и его чада начнут разыгрывать на ней знаменитые морские баталии. В конце концов она прогниет и затонет, а хозяин станет говорить, что с самого начала сомневался в ее подлинности.

Размеру артефактов нынче уделялось все больше внимания. В прошлом году англичанин по имени Арнульф Тьюксберийский доставил в Базель аж три верблюжьих мумии, уверяя, что это те самые верблюды, на которых волхвы привезли в Вифлеем свои дары — смирну, золото и ладан. Дисмас тогда еще шутливо любопытствовал, почему Арнульф не привез заодно и Путеводную звезду. Ситуация и вправду выходила за всякие рамки.

Который год подряд приезжает он на ярмарку святынь? Первый раз — в 1508 году. То есть почти десять лет назад. От этой мысли он почувствовал себя стариком, ибо, что ни говори, неумолимая арифметика подсчетов означала, что ему уже, увы, за тридцать.

Он вспомнил, как в первый раз стоял на этой площади, практически на этом самом месте. Палаток и балаганов тогда было вчетверо меньше. Кто бы мог представить такой бурный рост! Беспрецедентный взрыв популярности пришелся на 1513 год, настоящий *annus mirabilis*¹, а по-

¹ Знаменательный год (*лат.*).

следние четыре года оказались для Дисмаса почти до неприличия прибыльными. И все благодаря горячему желанию (а вернее — сладострастному вожделению) двух его главных заказчиков, стремящихся во что бы то ни стало приобрести как можно больше реликвий.

Дисмас купил у разносчика жареную колбасу и кружку пива, отыскал тенистое местечко и сверился с перечнями заказов.

Перечень от Фридриха включал четыре дюжины позиций. Альбрехтов, как обычно, был намного обширней — почти три сотни. Альбрехт, хотя он ни за что бы в этом не признался даже Дисмасу, своему главному поставщику, всеми силами пытался обойти Фридриха, чья коллекция насчитывала свыше пятнадцати тысяч святых. Дисмас вздохнул. Велико было искушение управиться с делом одним махом, ухнув весь бюджет Альбрехта в байдак святого Петра. В отличие от Альбрехта, перечень Фридриха, как и следовало ожидать, выдавал куда более разборчивого покупателя. Фридрих искал качество, Альбрехт — количество.

«Св. Варфоломей — челюстные фрагменты, зубы, фрагменты черепа (лицевая сторона)».

Фридрих был одержим святым Варфоломеем. Ненасытно. В его коллекции уже имелось более сорока мощей апостола, включая кожу лица целиком. Варфоломей проповедовал христианство, и за это его заживо освежевали по приказу армянского царя. Теперь апостольский эпидермис красовался в Виттенберге, в усыпанном драгоценностями ковчеге.

Касательно маниакальной страсти Фридриха к Варфоломею существовали разные теории. Одна объясняла это тем, что Варфоломей покровительствует переплетчикам, а Фридрих был известным библиофилом. Более

дерзкая теория объясняла это снобизмом, ибо из всех апостолов Варфоломей был единственным благородных кровей, хотя никаких подтверждений этого в Писании Дисмас найти не смог. Порой, когда Фридрих был в подходящем расположении духа, Дисмас подтрунивал над ним по этому поводу.

В списке Фридриха присутствовала и святая Афра. С ней всегда было непросто, с этой Афрой. Фридриха она интересовала в рамках его текущего увлечения германскими святыми. Начинала она проституткой в римском храме Венеры — там, где ныне стоит Аугсбург. Потом приняла христианство. Когда она отказалась отречься от своего нового бога, ее увезли на остров посреди реки Лех, привязали к столбу и уморили дымом. Фридрих хотел заполучить ее мощи, потому что Афра была мученицей времен Великого гонения, устроенного Диоклетианом, а диоклетиана издавна была его страстью.

Дисмас редко предлагал Фридриху какую-то конкретную реликвию, если только речь не шла о чем-то крайне необычном или эффектном. Познания Фридриха в данной сфере были широки и академичны. Он начал собирать святыни в 1493 году, во время паломничества в Святую землю, и всегда четко знал, чего хочет. К счастью для Дисмаса, хотел он немало. На сегодня его коллекция уступала лишь ватиканской, насчитывавшей порядка двадцати шести тысяч предметов. Но в том, что касается святынь, конкурировать с Ватиканом просто не имело смысла.

Тем не менее Дисмас подозревал, что Фридрих все-таки пытается конкурировать с Римом. Ну а в том, что Альбрехт конкурировал с Фридрихом, сомнений не было вовсе. В отличие от Фридриха, Альбрехт легко поддавался внушению, особенно если товар был, что называется,

у всех на слуху. Когда в моду вошли славянские мученики IV века, Альбрехт срочно откомандировал Дисмаса прочесывать побережье Адриатики, с тем чтобы полностью захватить новый рынок. Фридрих же был выше этих суетливых метаний. Фридрих сам задавал тон.

Дисмас вернулся к перечню.

Святая Агата, покровительница кормилиц. Молодая и красивая сицилийка, девственница, которую возжелал римский консул. (Невзрачным христианкам, которых никто и никогда не домогался, невероятно повезло.) Агата дала консулу от ворот поворот и была предана в руки палачей. Ей отрезали груди, которые чудесным образом выросли снова. В ярости консул приказал зажарить ее на углях. Фридриху хотелось заполучить сосок, но за недоступностью сгодилась бы и любая другая часть Агаты.

Потратив месяцы на поиски, Дисмас доложил Фридриху, что предложение сосков Агаты нулевое. Однако ему удалось обнаружить оплавленное золотое колечко, которое, как утверждалось, было у нее на пальце, когда она приняла свой ужасный, но святоносный конец на мангале в Катании, в лето двухсот пятидесятое от Рождества Христова.

Что же до святой Афры, с ней тоже пришлось порядком повозиться. В конце концов удалось обнаружить фрагмент ее пателлы. Учитывая, сколько сил и времени потратил Дисмас на исполнение этих двух заказов, можно было запросить комиссионные больше обычных. Но Дисмас не стал этого делать, хотя запросто выставил бы тройную цену на заказ, поступивший от Альбрехта.

Дисмас сверился с перечнем Альбрехта. Оружие. Альбрехт был падок до ножей, кинжалов, топоров — словом, до всего, что использовалось для причинения святых

мук. Одним из его главных сокровищ был молоток, которым приколотили к кресту стопы и кисти Иисуса.

Артикул: «Маврикий — меч». Тот самый меч, которым усекли голову святого Маврикия — Фивейского легионера. Во время карательной операции против взбунтовавшихся гелветов полководец приказал своим солдатам принести жертвы римским богам. Маврикий и другие новокрещенцы из числа легионеров воздержались. Командир приказал устроить децимацию — казнь каждого десятого легионера. Не самый эффективный способ поднять боевой дух в разгар кампании. Когда новокрещенцы снова отказались, децимацию провели повторно. После третьего отказа полководец приказал перебить весь легион.

Найти меч было непросто, но Дисмас был в добрых отношениях с одним торговцем из Санкт-Галлена, который сообщал ему, что, возможно, удастся раздобыть, по крайней мере, обломок крыжа.

Дисмас двинулся дальше по перечню Альбрехта. Как — опять? Да, так и есть, еще одна стрела святого Себастьяна. Альбрехт питал особую слабость к вероотступникам из числа римской солдатни. В этой категории святой Себастьян был образцом совершенства и правил безраздельно. Вдобавок он состоял в Преторианской гвардии — личной охране императора Диоклетиана. С Себастьяном получилось забавно, ибо расстрельную роту лучников он как раз и пережил. Возможно, они сжалились над ним и целились мимо жизненно важных органов. А когда император узнал, что его бывший телохранитель по-прежнему жив (хоть и основательно перебинтован, надо полагать) и продолжает христианские богослужения, он в бешенстве приказал рубить того на куски, пока не помрет

окончательно и бесповоротно, а потом бросить в Большую Kloаку — римский сток для нечистот. Себастьяновы стрелы всегда пользовались спросом, и не только у Альбрехта. За годы своей карьеры охотника за святынями Дисмас видел их столько, что хватило бы на всю римскую армию.

Дальше в перечне стоял предмет, которым некогда бряцал еще один римский вояка. Копье Судьбы. Дисмас вздохнул.

Раз за разом он терпеливо втолковывал архиепископу, что «единственное и истинное» Копье Судьбы достать попросту невозможно. Да, лавки торговцев реликвиями ломились от «единственных и истинных» копий судьбы — их были десятки, сотни. Однако, как Дисмас уже отмечал, наконечник того самого копья, которым с наибольшей долей вероятности был проколот бок Христа, находится в подземелье собора Святого Петра. В Риме. С 1492 года, когда константинопольский султан Баязид подарил реликвию папе Иннокентию VIII, дабы несколько умалить склонность понтифика к Крестовым походам. Дисмас сказал Альбрехту, что нет ни малейшей надежды, что Лев X — нынешний папа — согласится расстаться с таким сокровищем. С другой стороны, зная Льва, есть шанс, что он может согласиться на продажу копья. Но заломит астрономическую цену. Все это Дисмас объяснил Альбрехту, но тот в ответ лишь выразил сомнение в том, что ватиканское копьё — это действительно настоящее Копье Судьбы. Иначе говоря, добудь мне копьё, любое копьё.

В Базеле Дисмасу за неделю предложили по меньшей мере десять «единственных и истинных» копий судьбы. За одно из них просили всего двадцать пять гульденов. Какой вздор. Дисмас слишком уважал себя, чтобы пой-

ти на такое, даже ради соблазнительной возможности раз и навсегда вымарать Копье Судьбы из перечня Альбрехта.

За годы торговли реликвиями Дисмас ни разу не купил и не продал ни одной заведомой подделки. Разумеется, имея дело с реликвиями, невозможно быть абсолютно уверенным в провенансе. Никогда доподлинно не знаешь, действительно ли перед тобой большой палец святого Контумация Сурского или железный прут от жаровни, на которой заживо запекли святого Лаврентия. Остается лишь блюсти профессиональную честь и отвечать самому себе на определенные вопросы. Источает ли реликвия благовоние? Прошла ли она ордалию? Принесла ли чудесные исцеления? И наконец, позволил ли сам святой ухищение своих мощей из предыдущей обители, в профессиональной среде называемое «перенесением»? В этом была своя логика. Святые живы духом и после смерти. Ни один из них не допустит, чтобы его мощи были перенесены из одних рук в другие, если сам не пожелает такого перенесения.

Весьма полезным было знать, насылал ли святой наказание за неуважительное обращение с его мощами. Именно так поступил, к примеру, святой Амфиан: он наслал паралич на молодую женщину, которая присела помочиться у его гробницы. Ей пришлось сидеть в унижительной позе до тех пор, покауда весь город во главе с епископом не вымолил у святого прощение.

Таким образом, любому уважающему себя охотнику за святынями оставалось полагаться лишь на собственные здравомыслие и добропорядочность. И как это ни прискорбно, в последнее время расплодились жулики, шарлатаны, искатели и торговцы с самыми сомнительны-

ми репутациями. Прибыло их сверх всякой меры и здесь, в Базеле.

Дисмас поделился своей печалью с мастером Шенком — главным распорядителем ярмарки святынь. Шенк согласился: да-да, разумеется, все это весьма прискорбно. И предложил Дисмасу, благо тот пользовался уважением среди коллег, выступить на эту тему перед участниками ярмарки. Шенк пообещал все организовать. Дисмас сможет поделиться своими тревогами с другими маклерами и торговцами в заключительный день ярмарки, во время прощального приема, между стаканчиком вина и сырной закуской.

Хитрец Шенк хлопнул Дисмаса по спине и улыбнулся. Блестящая идея.

Дисмас остался один, мысленно сокрушаясь, что позволил загнать себя в ловушку. Выступать на тему профессиональной этики? Перед этим сборищем? С тем же успехом можно проповедовать целомудрие в борделе. Но делать было нечего.

Дисмас уныло поплелся в сторону Ратуши.

— Дисмас?

— Маркус! Ты ли это?

Они обнялись так крепко, как обнимаются только мужчины, которым довелось сражаться плечом к плечу. Их последней совместной битвой стал разгром под Чериньолой, где они дрались на стороне французов. Испанцы уступали им в численности, но принесли на поле брани нечто новое, ужасное и шумное под названием «порох».

Когда все было кончено, из отряда в девяносто бойцов уцелело лишь шестнадцать человек, включая Дисмаса и Маркуса. Трупы их товарищей остались лежать посреди поля, провонявшего гарью и пропитанного кровью. До-

спехи погибших были странным образом изрешечены, из дыр сочилось. Дисмас счел это знамением близящегося конца света, оставил карьеру наемника и принял постриг в первом же монастыре.

— Как тебя сюда занесло? — воскликнул Дисмас. — Надеюсь, не мощами промышляешь?

— Боже упаси! — скривился Маркус. — Помогаю одному толстозадому банкиру охранять его золотишко. А после этого с меня хватит. Поеду домой. В кантоны. Деньжат-то поднакопил. Найду там себе краснощекую девку с большими титьками и ляжками белее сливок.

— Для этого дела ты уже староват, — рассмеялся Дисмас.

— Староват? Да у меня болт крепче арбалетного! А ты-то что тут делаешь? — Маркус оглядел старого друга с головы до ног и сказал с подозрением: — Выглядишь не бедно. Признавайся-ка, кого пустил по ветру? Боже милостивый, только не говори, что заделался одним из этого отребья! — Он показал себе за спину, на толпу торговцев мощами.

— Именно. И буду тебе признателен, если ты не станешь называть меня отребьем. Я порядочный человек.

— Порядочный! Коробейничаешь щепой Креста Господня? Молоком Богородицы? Отвечай, сколько ты выручил за свою бессмертную душу?

— Посмотрите на этого сторожа золотой кубышки! Я человек уважаемый.

— Погоди, ты ведь подался в монахи...

— Было дело. График работы не устроил.

— Ну ладно, — сказал Маркус. — Я готов слушать твои рассказы, но выпивка за твой счет.

— Слушай, мне тут в одном месте надо речугу толкнуть. Давай встретимся позже. Выпивку я обеспечу. Как

обычно. Потому что уж твои-то рассказы можно слушать, только основательно надрывшись.

— Речугу толкнуть? Перед этим сбродом? О чем ты собираешься им вещать? О методах разграбления могил?

— Представь себе, о реформе. В нашем деле. Про которую они слушать не захотят. Может, тебе есть смысл пойти со мной, сегодня мне охрана не мешает.

— У меня есть чем заняться, кроме как слушать твою нагорную проповедь. Давай до вечера. «Красный бор». Рядом с башней Святого Альбания.

Настроение Дисмаса заметно улучшилось, однако радость быстро испарилась, когда он вошел в шумный и душный зал, где галдели сотни торговцев реликвиями. Мероприятие было закрытое, вино и пиво лились рекой.

Шенк завидел его и подошел. От частых и неумеренных возлияний лицо распорядителя ветвилось красными прожилками, словно спелое яблоко. Он был в прекрасном расположении духа: объем сделок в этом году снова вырос, побив прошлогодний рекорд. Шенк постучал молотком, чтобы утихомирить собрание, похвалил присутствующих и объявил, что ярмарка прошла успешно и что ему приятно находиться среди стольких старых и новых друзей. «От этих новых друзей одни неприятности», — подумал Дисмас.

Затем Шенк заговорил о большой ответственности, которая лежит на представителях сообщества.

— И вот именно на эту тему перед нами выступит одна небезызвестная персона, и даже не персона — персонаж! — фыркнув, произнес он и довольно захрюкал над собственным остроумием. — Персонаж, которого все хорошо знают, уважают и ценят повсеместно, а особенно

там... — Скрючив большой палец, он потыкал за спину, на север.

Дисмас шагнул вперед, надеясь положить конец этим разглагольствованиям, но благодушие Шенка, подогретое вином, было неукротимо. Он продолжал заливаться про «Дисмаса-персонажа, Дисмаса-легенду, поставщика святынь ко двору его преосвященства архиепископа Бранденбургского и Майнцского Альбрехта, поставщика святынь ко двору курфюрста Саксонии Фридриха Мудрого, а до этого — Дисмаса-бойца из числа швейцарских наемников-райзляуферов».

— Поэтому сердить его не советую, иначе он отрежет вам яйца! — предупредил Шенк.

— Я сейчас тебе яйца отрежу, если не заткешься и не сядешь на место, — сказал Дисмас под раскаты смеха.

Однако же Шенк не унимался, продолжая потчевать собрание рассказами о том, как Дисмас начинал свой путь в ремесле, о его пребывании в Святой земле, о том, как он стал первым, кому удалось раздобыть скелет одного из младенцев, умерщвленных солдатами Ирода, причем с полным набором косточек. Слушатели негромко переговаривались и уважительно кивали.

— Этот скелет находится теперь в коллекции Фридриха в Виттенберге, — добавил Шенк и перешел к годам, проведенным Дисмасом в катакомбах под Римом. — Этот кашель! Вы слышали, как он кашляет? — Шенк воспроизвел кашель Дисмаса. — Это кашель римских катакомб!

Одобрительный гул, аплодисменты.

Не выдержав, Дисмас положил руку Шенку на плечо:

— Я считаю, наш старина Шенк — самая истинная реликвия на ярмарке.

Смех в зале.

— Внимание, — сказал Шенк, — сейчас нам прочтут на- зидание, поэтому наполните-ка поскорей стаканы и при- кройте руками уши!

Дисмас понимал, что нет никакого смысла рассказы- вать про этические аспекты ремесла пьяной ораве с ко- шельками, полными гульденов. Лучше всего просто ска- зать...

— Итак, коллеги, год у нас с вами выдался хороший, поэтому предлагаю за это и выпить. Но в будущем давай- те хотя бы попытаемся, хоть самую малость, помнить о том, что призвание у нас особое, по сути — сакральное призвание, так что...

Перед ним простиралось море стекленеющих взоров.

Дисмас с трудом выдавливал из себя слова:

— Как братство профессионалов, мы... мы... — (На не- го тарасились пьяными глазами.) — Словом, мы должны блюсти определенные стандарты, вот и все.

Тишина. Недоумевающие взгляды. Господи, о чем он вообще?

Дисмас втянул в себя воздух:

— На этой неделе я видел несколько артефактов, ко- торые, если говорить откровенно, не отвечают самым вы- соким стандартам.

— Если ты так трясешься над своими стандартами, то что можно сказать про твоего Тецеля? — крикнул кто-то из толпы.

Одобрительный рокот голосов.

— Это не мой Тецель, — ответил Дисмас. Тецеля он ненавидел всей душой, но тут надо было аккуратно под- бирать слова. — Можете взять его себе.

Кое-где в зале раздались смешки. Торговля индულъ- генциями волновала всех.

— Он работает на твоего архиепископа Альбрехта!

Бакли К.

Б 19 Собиратель реликвий : роман / Кристофер Бакли ; пер. с англ. В. Шумова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-17997-4

Впервые на русском — недавняя книга Кристофера Бакли, автора знаменитого романа «Здесь курят» и полутора десятков других бестселлеров. Прославленный сатирик, хорошо знающий политическую кухню изнутри (бывший спичрайтер Джорджа Буша-старшего), «нашел для своих внушительных талантов новое применение. Почему бы и не бурный шестнадцатый век, собственно?» (*The Washington Post*).

Итак, познакомьтесь с Дисмасом. Бывший швейцарский наемник, а теперь — официальный слуга двух господ: «поставщик святынь ко двору его преосвященства архиепископа Бранденбургского и Майнцского Альбрехта, поставщик святынь ко двору курфюрста Саксонии Фридриха Мудрого». Дисмас разбирается в священных реликвиях, как никто другой, но не чужд и авантюрной жилки. И когда одна из Дисмасовых авантюр вскрывается, метящий в кардиналы Альбрехт делает Дисмасу и его подельнику Альбрехту Дюреру предложение, от которого невозможно отказаться: отправиться из Майнца в Шамбери, чтобы выкрасть из сокровищницы герцога Савойского одну из главных святынь христианского мира...

«Если по-голливудски, то „Собиратель реликвий“ — это как смесь „Принцессы-невесты“ и „Тринадцать друзей Оушена“, только совершенно органичная» (*Kirkus Reviews*).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

КРИСТОФЕР БАКЛИ
СОБИРАТЕЛЬ РЕЛИКВИЙ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валентина Гончар

Подписано в печать 23.03.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-26567-01-R